

Сегодня - 1996 - 27 февр. - с. 10
Формы симфонии в воздухе

Гала-концерт ГСО п/у Владимира Понькина.
 В честь десятилетия оркестра

Юлия Бедерова

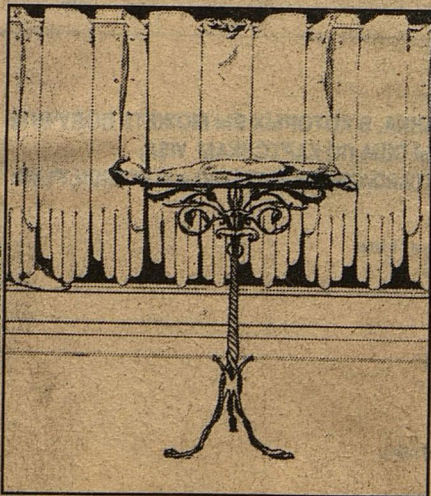
то был первый юбилей в нескончаемом строю празднеств последнего времени, где не слышались косноязычно-торжественные речи, не было представителей нации и государства, долларовой публики в партере. В обозримом будущем не маячила никакая премия. Слово «малый» давно исчезло из названия оркестра. Но, благополучно превратившись в большой по составу, он остался непричастен Большому Стилю. Государству и нации в звучании оркестра и дирижерской манере руководителя удручающе не с чем отождествиться. Другое дело — если падает стена звука, вырастает из ничего словно высеченная из единой глыбы тяжелая звуковая форма, нерасчленимая масса. Ее однородный состав и отлаженное движение, гладкий и гулкий, неотвратимый ход призваны впечатлять. И впечатляют — тем, с каким монументальным и сентиментальным совершенством слушатель подминается музыкой под себя и начинает телом ощущать приметы большого стиля. Непричастность этому замечательному стилю в атмосфере триумфа официальности новой волны лишает оркестр многих шансов на высокие котировки или статус модного. И дело не только в проблемах выживания оркестра или в том, что оркестранты привыкли выдалбливать форму на репетициях, а на концерте независимо от дирижерской концепции — с воодушевлением воплощать общеизвестность музыкального сюжета. Дело в принципе. В невозможности и неужности большого стиля. В том, что даже заново набранная и усиленная струнная группа у Понькина не станет заливать звучащие формы густым сиропом. Останется тонкость фактуры, воздух между фразами, мотивами, тембрами, их диалоги, непривычные, неожиданные отделенность друг от друга или тончайшая связь (особенно красиво она выходит на расстоянии). Вместо массивной стены в «малом» стиле — неоднородные пространства, арки, висячие мосты и асимметричные плоскости.

Тем более странное впечатление вызывает программа: сначала гипертрофированный позднеромантический массив Фантастической симфонии Берлиоза, а затем шоу — гала-представление из кратких и блестящих шлягерных номеров. Все по определению соответствует большому стилю, но исполнено в малом. И настолько же, насколько не вышло шоу, получилась Фантастическая симфония. Программный шедевр, по сути, — череда движущихся картинок, большое кино. Традиция сделала из него психологический триллер, исполняемый обыкновенно в манере роскошно оформленного тягуче-величественного потока. Владимир

Понькин представил Фантастическую скорее в черно-белом варианте — но с таким количеством световых нюансов, деталей перехода одного в другое, с такой ясностью и напряженностью линий, что от симфонии невозможно было оторваться. Наблюдая, как бархатная интонация деревянных духовых оборачивается шелковой струнной. Как существует и во что превращается каждый звук, каждый тембр. Как романтические лед и пламень перестают быть аффектами, прекращают формировать фабулу — и становятся сменяющимися друг друга фактурами, странно сочетающимися объектами. Из них постепенно и непредсказуемо формируется звуковая конструкция, и она в сто раз увлекательней, чем натужные попытки красиво изобразить многократно разгнанный сюжет.

Дирижер конструирует жесткую логику мягких сочетаний, наплывов и контрастов в становлении целого и в соотношении деталей: от гипнотической динамики «Мечтаний», сквозь миражи «Бала» и тихой фантасмагории «Сцены в полях» к ранящему своей реальностью, неровному, словно край сломанного стекла, «Шабашу».

Владимира Понькина называют дирижером европейского типа. Пан Кшиштоф Пендерецкий отзывается о нем как о втором после Мравинского и уже сделал его главным дирижером филармонии родного Кракова. Для абсолютного совершенства (пока оркестр иногда фальшивит, его игра кажется нестойкой, удачи и провалы — случайными, что, впрочем, хорошо действует на ощущение музицирования здесь и сейчас) дирижеру необходим столь же европейский, т. е. (как ни парадоксально) страстно желающий слушаться оркестр. А пока юбилей справили в переходном состоянии. Между большим и малым, европейским и иным. Но сформулировав обнадеживающую способность не скатиться в большое и национальное.

МАКС КРИНГЕР